

Рис. 18. Храм Гроба Господня Константиновского времени (после 325 г.) в сравнении с Храмом Крестоносцев (XII в.) (реконструкции В. Здравковича).

В. В. МАЙКО
 Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)
**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
 КРЫМА В XXI ВЕКЕ**

Аннотация: Рубеж прошедшего и нынешнего столетий можно считать началом нового этапа в изучении салтово-маяцкой культуры Крыма. Исходя из этого, в работе проанализировано изучение этой археологической культуры полуострова за прошедшие 17 лет. Сделан вывод о том, что для рассмотрения всех аспектов материальной культуры получены новые данные. Они позволяют по новому представить характер жилой, хозяйственной, фортификационной и культовой застройки, погребальный обряд, керамический комплекс, предметы вооружения и быта. Все эти материалы свидетельствуют о том, что несмотря на сильный религиозный синкретизм салтово-маяцка культуры Крыма является одним из вариантов провинциально-византийской культуры. Степень ее византизации была ниже, чем у материальной культуры греческого и алано-готского населения полуострова.

Ключевые слова: средневековая Таврика, салтово-маяцкая культура Крыма, история изучения.

С полным основанием можно считать, что большой этап изучения салтово-маяцкой культуры средневековой Таврики, начавшийся в конце 60-х гг. прошлого века, завершился на рубеже тысячелетий выходом в 1999 г. монографии А. И. Айбабина «Этническая история ранневизантийского Крыма». Через два года не стало и выдающегося исследователя Игоря Авенировича Баранова, посвятившего изучению крымского варианта салтово-маяцкой культуры всю свою жизнь. В указанной работе А. И. Айбабин на основании большого комплекса всех известных письменных источников и огромного массива археологического материала подвел итог изучения салтово-маяцкой культуры Крыма и предложил концепцию развития полуострова с периода раннего средневековья и до рубежа IX-X вв. [1, с. 171–230]. В более кратком и обобщенном варианте эти выводы были опубликованы несколько позже в очередном томе 20-ти томного издания, посвященного отечественной археологии [3, с. 55–67].

За прошедшие 17 лет текущего столетия в изучении салтово-маяцкой культуры Таврики были достигнуты определенные результаты. На мой взгляд, рано пока говорить о каком-либо кардинальном прорыве, но практически во всех вопросах исследования данной проблематики получены новые материалы и сделаны интересные выводы.

Необходимо подчеркнуть, что целью данной работы является анализ накопления и атрибуции археологических источников. Проблемы, связанные с анализом исторической ситуации, сложившейся в средневековой Таврике во второй половине VII – на рубеже IX–X вв., остаются за рамками этого исследования.

Все анализируемые работы, несмотря на то, что многие из них носят комплексный характер, распределены по основным составляющим материальной культуры. Следуя хронологии, прежде всего, это проблематика раннего «кочевого» и «полукочевого» этапа салтово-маяцкой культуры Крыма и археологические свидетельства перехода населения к оседлости.

К сожалению, специалистам хорошо известно, что археологических источников, представленных в основном впускными кочевническими погребениями, для решения комплекса проблем первоначальных этапов салтово-маяцкой культуры Крыма, чрезвычайно мало. Обнаруживаются они случайно при исследовании курганных насыпей эпохи бронзы, скифского, сарматского и античного времени. Тем не менее, многочисленный материал, накопленный за предшествующие годы, был впервые проанализирован и обобщен в двух крупных работах А. И. Айбабина [4, с. 67–88; 5, с. 277–315]. Ученый справедливо обосновал неоднородный характер захоронений, оставленных как рядовыми воинами, так и тюркской знатью, и выделил их в особую археологическую культуру. Исходя из анализа погребального инвентаря и ориентируясь на немногочисленные данные письменных источников, исследователь обоснованно датировал ее появление не ранее последней трети VII в. и связал с кочевниками, этнически однородными тюркам [5, с. 277–315].

Чрезвычайно интересные материалы, углубляющие наши знания о тюркской кочевой культуре раннесредневекового Крыма, были получены в 2012 г. при проведении А. В. Гавриловым раскопок курганов у села Молочное Симферопольского района. В двух исследованных насыпях было обнаружено два погребения, датированных в широких хронологических рамках второй половиной VII в. [21, с. 34–70]. Важно отметить, что курганные насыпи располагались на расстоянии около 200 м одна от другой. При этом вторая курганная насыпь может быть названа таковой только условно. По сути дела, это была каменная наброска над могильной ямой без какой-либо грунтовой насыпи. Обе могилы сопровождалась тризной. Таким образом, в качестве постановки проблемы можно говорить о существовании на этом месте не традиционных единичных погребений, а своеобразного некрополя, включавшего как типичные впускные могилы в курганы более раннего времени, так и грунтовые захоронения, не связанные с курганами. Такой обряд у раннесредневековых тюркоязычных кочевников Таврики был зафиксирован впервые. Не исключено,

что он свидетельствует о постепенном переходе населения к грунтовым некрополям и, соответственно, о начале седентаризации.

Тем не менее, приходится констатировать, что источниковая база для решения проблем раннесредневековых номадов полуострова пополняется очень медленно. Помимо указанных погребений у с. Молочное за прошедшие почти два десятилетия только в 2017 г. в связи с масштабными охранными раскопками на полуострове возле пгт Крымская Роза Белогорского района в курганной группе Крымская Роза–2 было обнаружено впускное погребение № 99, которое можно датировать второй половиной VII в.¹

Так же немногочисленны археологические источники, связанные с ранним периодом уже оседлых носителей салтово-маяцкой культуры Крыма. В рассматриваемый период данные материалы, полученные в ходе раскопок начала 1990-х гг. Сугдеи, были проанализированы автором этой статьи [35, с. 287–297], а Боспора – А. И. Айбабиным [86, р. 31–65]. На основании немногочисленных комплексов и археологического материала был сделан вывод о том, что салтовцы, перешедшие к оседлости в городах, очень быстро восприняли приемы провинциально-византийского домостроительства и другие особенности материальной культуры греческого населения приморских городов [50, с. 54–62, 120–123]. Специально рассматривался и керамический комплекс данного периода, особенно лепная и подправленная на гончарном круге кухонная посуда [37, с. 14–31]². Сразу необходимо оговориться, что предложенные ранее выводы о наличии в нем элементов позднепеньковского керамического комплекса, нуждаются в дополнительном обосновании. К сожалению, при практически полном отсутствии датирующих находок тяжело однозначно определить хронологические рамки данного периода развития салтово-маяцкой культуры полуострова. В целом они были определены, как рубеж VII–VIII – первая половина VIII вв. Важно отметить, что подобные материалы были получены не только при раскопках городских горизонтов Сугдеи и Боспора [2, с. 168–185], городища на плато Тепсень [55, с. 157–162], но и сельских памятников Керченского полуострова [13, с. 17–23; 14, с. 334–348]. Таким образом, несмотря на дискуссионность предположения и отсутствие достаточного количества археологических источников, можно говорить о масштабном заселении полуострова салтовцами уже на рубеже VII–VIII вв. и их быстром переходе к оседлости.

Рассмотрение вопросов, связанных с памятниками оседлого населения крымского варианта салтово-маяцкой культуры, начнем с работ, посвященных проблемам жилой и хозяйственной застройки, а также в целом планировке поселений. Значительное внимание этим аспектам уделил Л. Ю. Пономарев. На примере проа-

¹ Выражаю глубокую признательность С. Г. Колтухову за возможность ознакомиться с полученными материалами.

² Интереснейший и уникальный по количеству и разнообразию форм ранний керамический комплекс салтовцев Крыма был получен в 2011–2012 гг. Ю. П. Зайцевым при раскопках городища Вишенное. Он все еще ждет своей подробной публикации.

нализированных комплексов, найденных на территории Керченского полуострова, ученый значительно расширил и скорректировал существовавшую до недавнего времени типологию. Исследователь выделил 8 типов жилых сооружений, среди которых отметил не учтенные в предшествующих типологиях однокамерные и двухкамерные дома с округлой в плане пристройкой и многокамерные дома со смежными помещениями [69, с. 186–209]. Значительно были дополнены наши сведения об однокамерных жилищах и отдельно рассмотрены подобные варианты построек с хозяйственной пристройкой [75, с. 131–139].

Впервые на основании практически всех исследованных домов-пятистенков Керченского полуострова Л. Ю. Пономареву удалось выделить общие и индивидуальные черты, присущие этому типу салтовских сооружений [74, с. 440–461]. Среди них были отмечены прямоугольная форма, северо-восточная – юго-западная ориентация, высчитаны чаще всего встречающиеся размеры, наличие одного или двух отопительных сооружений в жилых помещениях и временного отопительного сооружения – в хозяйственных. Важным явился вывод ученого о существовании в жилых помещениях временного отопительного сооружения, представлявшего собой пристроенный к стене каменный ящик, сооруженный из поставленных на ребро плит известняка.

Особого внимания заслуживает выделение на примере Кыз-Аульского и Илуратского некрополей античного времени такой категории построек, как жилища, устроенные в античных склепах [69, с. 186–209]. Последние справедливо трактуются, прежде всего, как загоны для мелкого рогатого скота и убежища скотоводов. Подробно опубликованный, совместно с Н. Ф. Федосеевым, археологический материал из этого типа сооружений [81, с. 491–525; 82, с. 82–132] свидетельствует, тем не менее, о длительном, а не сезонном их использовании.

Отдельно следует проанализировать вопрос о существовании на территории салтово-маяцких памятников Крыма юртообразных построек и полуземлянок. В свое время И. А. Баранов предполагал, что они характеризуют самый ранний этап данной археологической культуры полуострова и полностью вытесняются каменными домами, привнесенными т.н. второй волной переселения тюрок в Таврику. К ранней дате полуземлянок склоняется и Л. Ю. Пономарев, выделяя среди них бесстолбовые и каркасно-столбовые полуземлянки с неукрепленными бортами и полуземлянки, котлован которых по периметру обложен камнем [69, с. 186–209; 70, с. 65–78]. Следует сказать, что работы последних лет не подтверждают предложенную концепцию. На посаде средневековой Сугдеи [45, с. 263–272], городище на плато Тепсень и поселении Кордон-Оба [38, с. 72–75, 99–101] известны полуземлянки, существовавшие, как минимум, до середины IX в. При этом полуземлянки на посаде Сугдеи и на участке раскопа «И» городища Тепсень были перекрыты каменными домами. Стратиграфическая ситуация и археологический материал четко свидетельствуют о том, что каменные дома были возведены сразу после прекращения функционирования полуземлянки, вероятно одними и теми же жителями, воспри-

нимающими византийские приемы домостроительства. Никаких слоев пожаров в заполнении всех раскопанных в Крыму полуземлянок не зафиксировано. Таким образом, развитие домостроительства крымских салтовцев происходило, вероятно, эволюционно.

Впервые Л. Ю. Пономаревым на примере памятников Керченского полуострова был выделен такой интересный элемент поселенческой инфраструктуры, как зольники, расположенные среди жилых построек, на дневной поверхности и чаще всего без какого-либо ограждения. Ученым были проанализированы точки зрения об их хозяйственно-бытовой и сакральной атрибуции и верно сделан вывод о том, что в настоящее время для решения вопроса доказательной базы явно недостаточно [72, с. 52–54].

Благодаря раскопкам на плато Тепсень в 2011 г. впервые появилась возможность говорить и о таких ремесленных постройках, как производственные металлургические горны. Раскопанные в юго-восточной части памятника и расположенные на окраине поселения, они датируются временем не позже середины VIII в. [55, с. 157–162] и еще ожидают подробной публикации.

Значительный шаг вперед сделан в осмыслении погребального обряда населения, оставившего памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры. В текущем столетии в монографическом исследовании впервые были проанализированы и максимально полно опубликованы все салтово-маяцкие некрополи средневековой Сугдеи. Среди них отмечены наиболее ранний могильник середины VIII – первой половины IX вв. Судак–VI [42, с. 152–182] и на участке куртины XIV [42, с. 247–248]³, выделены наиболее ранние материалы салтовского времени некрополя Судак–VII [42, с. 185] и синхронные погребальные сооружения некрополя Судак–IX [42, с. 190–192]. Уже после выхода отмеченной монографии на основании раскопок 2006–2008 гг. был выделен первоначальный салтово-маяцкий период этого последнего могильника [58, с. 159–176]. В. И. Барановым были полностью опубликованы материалы раскопок каменных склепов упомянутого некрополя на участке куртины XIV средневековой Сугдеи [10, с. 4–17]. Большой массив археологических источников подтвердил предшествующие выводы о существовании двух основных типов погребального сооружения в виде грунтовой ямы и коробовой конструкции. Вместе с тем, был выделен новый тип погребального сооружения, представленный крупными подквадратными земляными склепами.

Наиболее значимым итогом анализа явился вывод о биритуальности практически всех, даже наиболее ранних городских некрополей Сугдеи. Сказанное справедливо и по отношению к ранним прихрамовым некрополям, в частности городища Тепсень [38, с. 164–176]. Стало совершенно очевидным, что на площади некрополей в один хронологический период, не образуя отдельных скоплений, сосуществуют не

³ Исследования этого некрополя были продолжены в 2012 г. А. В. Джановым, которому в ходе работ удалось зафиксировать погребения, в том числе и с богатым погребальным инвентарем [57, с. 299–300].

только два типа грунтовых погребений, но и плитовые могилы, погребения с элементами плитовой могилы, каменные и земляные склепы. Данные наблюдения полностью подтверждают не только городские некрополи, но и могильники сельских поселений, например, рассмотренные плитовые погребения некрополя Кордон-Оба в юго-восточном Крыму [36, с. 76–85].

Вторым важным выводом можно считать тот факт, что, согласно анализу погребального инвентаря, к середине IX в., благодаря успешной христианизации местного населения, городские и даже сельские некрополи состоят уже преимущественно из плитовых могил. Указанные некрополи Керченского полуострова, в частности у поселка Эльтиген и поселения Героевка–2, в том числе на основании собственных раскопок, были проанализированы в работах Л. Ю. Пономарева [66, с. 445–475; 68, с. 287–295] и обобщены в отдельной публикации [61, с. 97–106]. Ученым были впервые отмечены такие характерные элементы плитовой могилы салтовского населения, как полукруглые ниши, вырубленные с внутренней стороны стенки у черепа захороненных. На примере раскопок городского некрополя Боспора в районе Босфорского переулка А. И. Айбабиным и Э. А. Хайрединовой было убедительно доказано, что процесс христианизации городского населения шел быстрее и уже к середине VIII в. основная масса погребальных сооружений данного могильника представляла собой классические плитовые могилы с ярко выраженной христианской символикой [7, с. 354–378]. Такая же ситуация была характерна для выделенных плитовых некрополей второй половины IX в. городища Тепсень [38, с. 156–163] и памятников юго-восточного Крыма, например, некрополя у с. Дачное Судакского района [39, с. 122–128].

Наряду с этим, на протяжении всего периода существования салтово-маяцкой культуры Крыма в погребальном обряде ощущались и языческие влияния. Последние наиболее ярко проявились на раскопанном в 2015 г. некрополе Конрат на территории Керченского полуострова⁴. К христианским чертам погребений данного могильника можно отнести саму конструкцию классической плитовой могилы. К языческим – разнообразный и редчайший для Таврики состав погребального инвентаря, наличие специально сделанных для него боковых ниш, кости жертвенных животных на месте полукруглой арки, обряд тризны, специально изготовленную для погребения лепную посуду.

Следует сказать, что для решения проблемы религиозного синкретизма салтовцев Крыма в текущем столетии, помимо указанного выше некрополя Конрат, были получены новые интереснейшие материалы. Речь идет, прежде всего, о комплексах, полученных при раскопках средневековых поселений на месте античных городищ Артезиан и Белинское на территории Керченского полуострова, расположенных в прямой видимости один от другого. Здесь, прежде всего, наиболее ярко проявился обряд совместного погребения людей и жертвенных животных. В центральной

⁴ Выражаю глубокую признательность Ю. П. Зайцеву за возможность ознакомиться с данными материалами и подготовить их к печати.

части поселения на месте городища Артезиан Н. И. Винокуровым и Л. Ю. Пономаревым было выделено два условных культовых комплекса. В состав одного из них, «южного», входило совместное захоронение в каменном ящике подростка и частей туши быка и, что наиболее важно, два жертвоприношения, состоявших из расчлененных останков людей и животных. В составе другого, «юго-восточного культового комплекса», было исследовано захоронение в хозяйственной яме расчлененных останков подростков и домашних собак [17, с. 18–22; 18, с. 266–300; 19, с. 44–50; 20, с. 208–211]. Исследователями была высказана обоснованная точка зрения о связи комплексов с земледельческим и скотоводческим культурами плодородия.

Материалы склепа № 23 некрополя городища Белинское дают уникальную возможность подтвердить существование у салтовцев Крыма языческих верований, связанных с культом домашних животных, при совершении которых производилось перезахоронение некоторых костей погребенных с принесением в жертву частей расчлененных туш животных [30, с. 348–363].

С другой стороны, на том же поселении Белинское присутствуют находки, говорящие о высокой степени христианизации проживавшего там населения. Об этом свидетельствуют не только многочисленные кресты, в том числе и архаичные христианские надгробья, но и находка первого для всей салтово-маяцкой археологической культуры штампа для просфор [59, с. 320–329]. Второй штамп был обнаружен в 2017 г. при раскопках горизонтов салтово-маяцкого времени поселения Биели на территории Керченского полуострова⁵.

Однако наиболее ценным и показательным источником, свидетельствующем о глубоком проникновении в среду салтовцев Крыма христианской идеологии, является возникновение на территории поселений христианских храмов. В рассматриваемый период все известные материалы, связанные с культовым христианским строительством на городище Тепсень, были обобщены в монографическом исследовании, посвященном данному памятнику [38, с. 250–274]. В последнее время выводы о периодизации комплекса храмов в центральной части городища были аргументировано оспорены в работе И. А. Завадской [23, с. 211–239]. На основании анализа стратиграфических данных, приведенных в вышеупомянутой монографии, исследовательница считает, что самым ранним сооружением была трехапсидная трехнефная базилика середины VIII в. Кладка из сырцовых кирпичей в центральной апсиде древней базилики являлась, по мнению автора, свидетельством ее перестройки в конце VIII – начале IX вв. Большая базилика, аналогии которой были найдены в Преславе, была отнесена к последнему строительному периоду. Следует отметить, что предложенная концепция имеет право на существование, однако минимальность наших сведений о стратиграфической картине этого комплекса делает ее не более чем гипотезой [63, с. 130–155].

⁵ Выражаю глубокую признательность Ю. Л. Белику за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

В течение анализируемого периода исследователями уделялось значительное внимание и керамическому комплексу салтово-маяцких памятников Крыма. Прежде всего, следует упомянуть две монографические работы, посвященные городищу на плато Тепсень [38] и Тиритаке [28] хазарского времени. В первой из них были полностью проанализированы все составляющие керамического комплекса, включающие тарную, столовую, в том числе лощеную и импортную, и кухонную посуду. Некоторые типы сосудов были выделены впервые [38, с. 177–208]. В. Е. Науменко в виде отдельных глав монографии, посвященной Тиритаке, впервые подробно проанализировал все составляющие керамического комплекса этого памятника [64, с. 32–64].

Помимо общего анализа керамических комплексов отдельных памятников, так или иначе упоминаемых и в других исследованиях, в течение рассматриваемого периода появлялись и отдельные работы, посвященные конкретным категориям керамического комплекса. В. И. Баранов специально рассмотрел амфорный материал поселения Тау-Кипчак, бывший реперным при создании И. А. Барановым хронологии салтово-маяцкой культуры и выделении его раннего варианта. В. И. Баранов аргументировано доказал, что амфорный материал принципиально не отличается от подобного на других памятниках Таврики и датируется широкими хронологическими рамками середины VIII – рубежа IX–X вв. [11, с. 23–25]. Автором данной статьи анализировались отдельные немногочисленные граффити на амфорах юго-восточного Крыма, среди которых выделены греческие буквы и монограммы, тюркские тамгообразные знаки и простые знаки, трудные для атрибуции [51, с. 69–82]. В целом на сегодняшний день можно констатировать практически полное однообразие амфорной тары для средневековой Таврики в целом и памятников крымского варианта салтово-маяцкой культуры, в частности. Вместе с тем, благодаря значительному количеству гончарных центров и большому разнообразию вариантов основных типов амфор в настоящий момент единая типология для всего полуострова отсутствует. В принципе не вызывает больших споров и хронология основных типов амфор, в том числе выделенных исследователями ранних вариантов.

Значительное внимание было уделено специалистами и кухонной керамике, являющейся «визитной карточкой» крымского варианта салтово-маяцкой культуры. В отдельной работе автора этой статьи была проанализирована история изучения салтово-маяцкой кухонной керамики полуострова, ставшей, особенно в 40–50-е гг. прошлого века, важнейшим источником не только для этнокультурных, но и политических выводов [53, с. 256–261].

На основании собственных раскопок городища на плато Тепсень С. Г. Бочаровым, в соавторстве с В. Ю. Ковалем была предпринята первая попытка комплексного изучения кухонной керамики, включающая рассмотрение посуды по разработанной комплексной морфолого-технологической методике. Ученые пришли к выводу, что предполагаемая эволюция ранней болгарской керамики и трансформация ее в классический вариант салтово-маяцких горшков Крыма не является доказанной [15,

с. 13–19]. Следует отметить, что, к сожалению, для анализа был привлечен очень ограниченный комплекс материала, притом происходящего из одного памятника и существовавшего в узких хронологических рамках. Все это делает выводы исследователей явно преждевременными.

Напротив, предложенная в это же время автором данной статьи хронологическая эволюция кухонной керамики базируется на многочисленных материалах, полученных при раскопках датированных объектов и четко стратифицированных горизонтов средневековой Сугдеи, Тепсеня, Кордон-Обы и других памятников юго-восточного и восточного Крыма [49, с. 79–93]. Она была поддержана и подтверждена тщательным анализом кухонной посуды, в том числе с точки зрения разнообразия формовочных масс, памятников Керченского полуострова, опубликованным в специальной работе Л. Ю. Пономарева [76, с. 239–276].

Таким образом, на сегодняшний день подробно рассмотрена морфология и технология изготовления кухонных горшков, встреченные на них орнаментальные мотивы, основные типы клейм, выделены новые, ранее не проанализированные формы. В качестве последних следует, конечно же, упомянуть т.н. маслобойки и миски, специально собранные и опубликованные Л. Ю. Пономаревым и И. А. Пономаревой [80, с. 453–464]. Тем не менее, исходя из огромного разнообразия форм, единой для полуострова типологии так пока и не создано.

Главный вывод сводится к тому, что технологически, а отчасти и морфологически салтово-маяцкая кухонная керамика, относящаяся к разным хронологическим периодам этой культуры в Таврике, имеет закономерные отличия. Безусловно, все сосуды изготовлены на ручном гончарном круге, но степень использования его возможностей в различные периоды была не одинакова. Во-первых, для периода второй половины VIII – первой половины IX вв. характерно большее морфологическое разнообразие форм и орнаментации горшков. Во-вторых, технологически для этих сосудов характерны признаки развивающихся операций заглаживания и обтачивания и зарождающейся операции профилирования исключительно венчика горшка.

Для следующего хронологического периода второй половины IX – первой половины X вв. характерны сероглиняные горшки, отличительной особенностью которых является ярко выраженная стандартизация форм, безусловно, связанная с общей византинизацией поздних салтовских памятников Крыма. Она проявилась не только в высоком качестве изготовления сосудов, но и в основных морфологических показателях, прежде всего, в однотипности профилировки эллипсоидного отогнутого венчика. Орнамент так же не отличается особым разнообразием. В основном это сочетание неглубокого линейного орнамента на тулове и многорядной волны на плечиках горшка. Для этих горшков характерны признаки не только хорошо развитых операций заглаживания и обтачивания при помощи гончарного круга, но и достаточно освоенной операции профилирования. Следы, характерные для нее отмечены как на венчике, так и на всей верхней части тулова сосуда.

Отдельного внимания заслуживает лощеная керамика, упоминавшаяся во многих публикациях и специально проанализированная в отдельной работе [62, с. 49–54]. Традиционно ее незначительное присутствие в керамических комплексах связывалось с аланским этнокультурным влиянием, что не вызывает сомнений. Можно утверждать, что по большей части она характерна для памятников Керченского полуострова, а в других частях полуострова встречается реже. При этом она, несомненно, многочисленнее в составе ранних салтовских комплексов. Тем не менее, датировать комплекс лощеной посуды временем до начала византизации керамического производства салтовцев Таврики, т.е. до середины VIII в., как это постулировал И. А. Баранов, преждевременно. Вероятнее всего, производство лощеной керамики на полуострове существовало и после середины IX в.

В течение рассматриваемого периода значительное внимание уделялось анализу организации сельского хозяйства, основных ремесел, промыслов салтовцев Крыма и связанным с этим категориям археологических предметов. На примере городища на плато Тепсень этой проблеме были посвящены соответствующие главы монографии автора статьи [38, с. 211–241], на примере уникального комплекса находок у с. Русское – две отдельные работы [56, с. 237–263; 47, с. 265–272], а на примере памятников Керченского полуострова – статьи Л. Ю. Пономарева [71, с. 67–78, 130–132; 79, с. 235–267]. Последним ученым, например, все предметы в зависимости от функционального назначения были разделены на сельскохозяйственные орудия, орудия животноводства и рыболовства, изделия и находки, связанные с прядением и ткачеством, орудия универсального назначения и бытовые предметы. Учитывая дискуссионный характер многих изделий, а также небольшое количество исследованных на Керченском полуострове салтово-маяцких комплексов, приведенный обзор хозяйственно-бытовых и культовых находок имеет предварительный характер.

Новые информативные материалы были получены для изучения вооружения и конского снаряжения салтовцев Таврики. Упомянутый комплекс находок, связанный с поселением у с. Русское, был опубликован автором данной статьи в трех отдельных работах [56, с. 237–263; 47, с. 265–272; 52, с. 15–28]. В них было отмечено, что предметы вооружения и конского снаряжения, до этого среди салтовских материалов полуострова в таком количестве не встречавшиеся, позволяют впервые поставить вопрос о характере вооружения населения этой части полуострова во второй половине IX – первой половине X вв. Справедливости ради необходимо сказать, что, к сожалению, археологический контекст всех этих находок точно не определен, исходя из чего их следует рассматривать пока только как подъемный материал. В качестве постановки проблемы укажем близость практически все предметов комплексу погребального инвентаря кремационных захоронений некрополей Подонья хазарского времени.

Практически во всех публикациях, посвященных салтовцам Таврики, рассматривались проблемы хронологии и периодизации крымского варианта салтово-маяцкой культуры. К сожалению, за прошедшие годы, благодаря отсутствию в боль-

шинстве случаев надежных хронологических реперов, принципиального прорыва в этом вопросе достичь не удалось. Привлечение минимального количества нумизматического материала позволило только уточнить верхний хронологический рубеж существования салтово-маяцких горизонтов средневековой Сугдеи, который приходится на середину X в. [41, с. 42–43]. При этом, совершенно однозначно, что время прекращения существования большинства сельских салтовских памятников Крыма растянулось на всю первую половину этого столетия.

Важнейшей проблемой, для рассмотрения которой появились в текущем столетии новые материалы, является вопрос о существовании у салтовцев Крыма рунического письма. На основании анализа тамгообразных знаков [40, с. 234–244; 9, с. 25–28] и известных надписей, можно предварительно сделать вывод о том, что крымское руническое письмо имеет несомненные общие черты с Донским, в меньшей степени с Кубанским алфавитами. Главное своеобразие заключается во включении в руническое письмо тамгообразных знаков, широко известных на территории полуострова. Требуется дальнейшего анализа присутствие в крымских надписях рун, отсутствующих в Донском и Кубанском алфавитах, но характерных для других евроазиатских и азиатских тюркских письменностей, а так же знаков, отсутствующих в известных на сегодняшний день алфавитах и не находящих аналогий в тамгах средневекового Крыма. Свообразие крымского письма заключается и в наличии тюркских «монограмм», совмещающих в одном знаке несколько. Все эти характерные черты крымского рунического письма в качестве постановки проблемы позволяют говорить о существовании крымского рунического алфавита.

Важным направлением, которое можно выделить условно, являются предварительные публикации материалов раскопок салтово-маяцких памятников Крыма, необходимые и предшествующие аналитическим и обобщающим работам. В этом ряду следует, прежде всего, выделить уже упоминавшиеся монографические издания материалов исследований городищ на плато Тепсень [38] и Тиритака [28]. Обе эти монографии дают максимально полное представление о проделанных работах и содержат, помимо описательных разделов, и аналитическую часть.

В текущем столетии наиболее активно публиковались материалы раскопок салтовских памятников Керченского полуострова. Материалы масштабных исследований салтово-маяцких горизонтов самого Боспора были опубликованы А. И. Айбабиным, распределившим их по выявленным объектам и хронологическим слоям [86, с. 31–65] и отметившим их идентичность находкам на остальных синхронных памятниках данного региона [6, с. 306–310]. В нескольких работах В. Г. Зубаревым, С. В. Ярцевым и автором были предварительно обобщены раскопанные в последние годы салтово-маяцкие объекты и материалы городища Белинское [59, с. 320–329; 60, с. 98–104; 30, с. 348–363] и сделан вывод о том, что основная масса находок и объектов датируется второй половиной IX – рубежом IX–X вв., что не исключает и наличие ранних салтовских материалов.

Еще более показательные материалы были получены при исследовании салтовских горизонтов поселения Артезиан, расположенного в прямой видимости от поселения Белинское. Н. И. Винокуровым и Л. Ю. Пономаревым были проанализированы материалы раскопок последних лет южного и центрального участков поселения. Среди обнаруженных на этом участке раннесредневековых комплексов преобладали котлованы, образовавшиеся в результате добычи камня из античных построек. Помимо них раскопаны постройки на каменных цоколях, котлованы полуземлянок, загон для скота, хозяйственные ямы. Некоторые из них удалось разделить на два хронологических периода, рубежной датой для которых условно принята середина IX века [16, с. 46–53].

Важное значение, особенно для выделения ранних горизонтов первой половины – середины VIII в., имело введение в научный оборот материалов выявленного в 2009–2010 гг. на северо-восточной оконечности Керченского полуострова поселения Завал-Восточное [13, с. 17–23; 14, с. 334–348]. Полученный в процессе разведок археологический материал был отнесен к двум периодам. Хронологические границы ранневизантийского периода предварительно определяются между V/VI – VII вв. Не ранее середины – второй половины VIII в. на этом месте возникло салтово-маяцкое поселение. Отдельные находки указывают на то, что оно функционировало, по крайней мере, до второй половины – конца IX в.

Не менее интересными оказались и результаты введения в научный оборот материалов поселения Осовины, расположенного на побережье Азовского моря. В частности, был отмечен факт использования салтовцами построек предшествующего позднеантичного времени [27, с. 183–196].

Значительное внимание уделялось и известному комплексу памятников салтово-маяцкой культуры, расположенному близ пос. Героевское. Были проанализированы разведочные работы, произведенные А. В. Гадло в 1962 г. на этом эталонном памятнике, в результате которых в окрестностях пос. Эльтиген В. Н. Зинько и Л. Ю. Пономареву удалось выделить и локализовать целый ряд отдельных античных и раннесредневековых поселений [24, с. 147–158; 29, с. 435–471]. Помимо этого, на основании архивных данных были подробно рассмотрены раннесредневековые горизонты поселения Героевка–2 [25, с. 236–268] и Героевка–3 [78, с. 376–399]. Относительно последнего памятника Л. Ю. Пономаревым была высказана аргументированная точка зрения о том, что предложенная А. В. Гадло нижняя хронологическая граница поселения нуждается в существенной корректировке. По мнению ученого, каких-либо находок, указывающих на то, что поселение могло функционировать в период между рубежом VII–VIII вв. и серединой VIII в., зафиксировать среди представленного в отчете материала не удалось. Таким образом, памятник пока что можно датировать не ранее середины VIII в. и не позднее первой половины X в. Напомним, что в течение рассматриваемого периода были полностью опубликованы материалы раскопок жилых комплексов на площади двух склепов античного некрополя Кыз-Аул [81, с. 491–525; 82, с. 82–132].

Достаточно полно в текущем столетии были опубликованы и салтовские материалы средневековой Сугдеи и памятников ее окрестностей. Речь идет, прежде всего, о стратифицированных материалах раскопок 1994–1996 гг. в портовой части этого памятника, позволивших достаточно аргументировано выделить горизонты первой половины VIII в., слои второй половины этого столетия и первой половины следующего и материалы второй половины IX – первой половины X вв. [8, с. 83–100]. Эти материалы, совокупно с данными письменных источников, послужили основанием для реконструкции истории этого раннесредневекового города [6, с. 306–310]. Помимо этого, в отдельных работах были полностью обобщены материалы раскопок всех салтовских комплексов Сугдеи [44, с. 159–180], в том числе расположенных на ее посаде [45, с. 263–272], что дало дополнительные материалы для реконструкции ее исторической топографии. Полностью были опубликованы и материалы охранных раскопок поселения у с. Солнечная долина [48, с. 207–219].

На совершенно новый уровень в XXI веке было поднято изучение салтово-маяцких памятников северо-западного Крыма. В нескольких публикациях, вышедших в разные годы, была освещена история раскопок раннесредневековых горизонтов и объектов этой части полуострова [85, с. 165–179; 54, с. 118–128], на основании архивных материалов, данных современных раскопок и разведок уточнен список объектов, которые можно относить к салтово-маяцкой археологической культуре Таврики [31, с. 155–159; 32, с. 274–286; 34, с. 48–55; 85, с. 165–179; 54, с. 118–128]. Были опубликованы археологические материалы конкретных объектов Калос-Лимена [33, с. 113–121], обобщены результаты раскопок городища Чайка [65, с. 155–194], введены в научный оборот находки нового многослойного поселения в окрестностях Сак [84, с. 182–188]. Подводя итоги, сложно, по крайней мере пока, говорить о каких-либо определенных этапах, накопление данных происходило постепенно, в связи с изучением античных древностей этого региона полуострова. Данная ситуация существует и ныне.

Нельзя признать удачной попытку выделения В. И. Барановым т.н. группы салтовских памятников типа Тау-Кипчак. Отличительной ее особенностью, по мнению автора, является наличие красно- и коричневоглиняной керамики, встреченной в комплексе с традиционной сероглиняной, и традиция использования на протяжении всего периода существования объектов полуземлянок, наряду с каменными домами. На этом основании исследователь связывает Тау-Кипчакскую группу с отличным от праболгарского этносом [12, с. 35–36]. Гипотетичность данных построений очевидна. Все известные на сегодняшний день салтовские материалы северо-западного Крыма не имеют никаких принципиальных отличий от других салтово-маяцких памятников полуострова. Это справедливо и в отношении состава керамического комплекса, и в приемах домостроительства, и в хронологии объектов.

В отдельный блок можно выделить работы, связанные с обобщением данных о салтово-маяцкой культуре Таврики, и статьи, посвященные общей проблематике

этой археологической культуры полуострова с попыткой анализа исторической ситуации, сложившейся в это время в Крыму.

В нескольких работах были проанализированы все известные к настоящему времени салтовские памятники [22, с. 141–167], в том числе Судакского региона [57], всего Керченского полуострова [26, с. 406–429; 73, с. 384–391; 77, с. 135–159] и подробно его южной части [67, с. 343–378]. В целом выводы исследователей сводятся к тому, что большинство салтово-маяцких памятников располагалось в восточной его части, явно тяготея к Боспору и пролегавшим по Керченскому проливу морским торговым коммуникациям. Несколько десятков поселений обнаружено в северо-западной части полуострова, преимущественно на побережье Азовского моря. Юго-западная часть полуострова, как и в античное время, оставалась практически не заселенной. В целом на сегодняшний день на археологическую карту Керченского полуострова нанесено свыше 200 салтово-маяцких поселений. Принадлежащих им могильников открыто на порядок меньше, поскольку в отличие от поселений они не имеют каких-либо признаков на дневной поверхности. В целом на сегодняшний день на Керченском полуострове выявлено 19 салтово-маяцких плитовых и плитово-грунтовых могильников второй половины VIII – первой половины X вв. Они составляют большинство раскопанных на территории средневековой Таврики погребальных памятников «хазарского» периода.

Накопленные к настоящему моменту данные позволяют говорить о нескольких группах салтово-маяцких памятников, расположенных в разных частях Крымского полуострова. Различия между ними, как уже указывалось, незначительны и связаны, в первую очередь, с географическим расположением и связанной с ним спецификой хозяйственной деятельности, наличием или отсутствием на месте поселений объектов античного времени и степенью византинизации населения [43, с. 151–166].

Одной из особенностей изучения салтово-маяцкой культуры Крыма в текущем столетии является дискуссия о византийском или не византийском характере материальной культуры юго-восточной Таврики [46, с. 428–437; 83, с. 140–172]. Нет сомнения, что надежными аргументами в этой полемике могут служить только археологические материалы. Рассмотрим коротко основные спорные моменты.

Во-первых, организация жилого и хозяйственного пространства внутри жилища свидетельствует о не византийских корнях их возникновения и развития. Переход к каменному строительству был связан с влиянием и быстрым проникновением передовых византийских строительных технологий, творчески переработанных местным населением с учетом существовавших традиций.

Во-вторых, строительство фортификационных сооружений производилось под руководством византийских инженеров. Однако возводились и ремонтировались стены местным населением, о чем красноречиво свидетельствуют разнообразные тамгообразные знаки, идентичные экземплярам Маяцкого городища и городов Болгарии.

В-третьих, обряд погребения находит полные аналогии в традиции захоронений тюркоязычного населения Подонья, Приазовья, Поволжья, Добруджи и не имеет ничего общего с византийским. Однако уже в середине VIII в. начинается христианизация местного населения, наиболее ярко проявившаяся в городах, где существовали христианские епархии. К середине IX в. для обряда погребения характерны плитовые христианские могилы.

В-четвертых, керамический комплекс един для всех памятников салтово-маяцкой культуры Крыма, в том числе и городских. Амфоры только в самых общих чертах повторяют византийские образцы, а их местное производство не вызывает сомнений. Эволюционное развитие кухонной керамики прослеживается на основании изменения морфологии форм и следов, оставленных на сосудах. Главное ее отличие заключается в более совершенной технике производства, связанной с влиянием более передовых византийских гончарных технологий при сохранении традиционных форм.

В-пятых, набор предметов этнографического костюма и украшений интернационален и ориентирован на влияние моды. При этом, благодаря хорошо развитому местному ювелирному производству, некоторые категории украшений изготавливались в Крыму.

Исходя из этого, культура населения юго-восточного Крыма VIII – первой половины X вв. этнически однородна как для восточной, так и для северо-западной и юго-западной частей полуострова. Оставлена она была местным оседлым праболгарским населением, на протяжении всего периода непосредственно соприкасавшимся с культурой Константинополя и центральных провинций Византийской империи. Эта прочная, достаточно привлекательная и модная византийская вуаль, накрывшая своим покрывалом средневековую Таврику, завуалировала этническую суть самого населения юго-восточного Крыма. Причем завуалировала не только для некоторых современных исследователей, но, вероятно, и для самих средневековых жителей, принявших христианство и считавших себя византийцами. В этом плане салтово-маяцкую культуру Крыма можно считать одним из вариантов провинциально-византийской, менее византизированной, чем материальная культура Херсонеса и гото-аланского населения полуострова.

Таким образом, изучение салтово-маяцкой археологической культуры Крыма на протяжении текущего столетия активно продолжалось, что позволяет говорить о необходимости нового обобщающего труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 352 с.
2. Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 168–185.
3. Айбабин А.И. Крым в VIII–IX вв. Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 55–67.

4. Айбабин А.И. Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский альманах. 2009. Т. 8. С. 67–88.
5. Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 277–315.
6. Айбабин А.И. Хазарская Сугдея // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 306–310.
7. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы с высеченными крестами // БИ. 2015. Вып. XXXI. С. 354–378.
8. Баранов И.А., Майко В.В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X вв. // Българите в Северното Причерноморие. 2000. Т. VII. С. 83–100.
9. Баранов В.И. К вопросу о тамгообразных знаках салтово-маяцкой культуры (по материалам могильника Судак–VI) // Сурож, Сугдея, Солдаёя в истории и культуре Руси–Украины. Материалы научной конференции. Киев, Судак, 2002. С. 25–28.
10. Баранов В.И. Судакские склепы // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2003. № 2. С. 4–17.
11. Баранов В.И. Амфоры Тау-Кипчака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Часть II. Киев, Судак, 2004. С. 23–25.
12. Баранов В.И. К вопросу об этнокультурной дифференциации салтово-маяцких памятников Крыма (VII–X вв.) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной научной конференции. Т. II. Киев, Судак, 2006. С. 34–36.
13. Бейлин Д.В., Пономарев Л.Ю. К изучению раннесредневековых памятников северо-восточной оконечности Керченского полуострова (поселение Завал-Восточное) // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 17–23.
14. Бейлин Д.В., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековое поселение Завал-Восточное на Керченском полуострове (по материалам разведок 2009–2010 гг.) // История и археология Крыма. 2015. Т. II. С. 334–348.
15. Бочаров С.Г., Коваль В.Ю. Керамика хазарской эпохи в восточном Крыму // Керамика хазарского каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье: Тезисы Международного научного семинара. Симферополь, 2011. С. 13–19.
16. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // Таврические студии. 2015. № 7. С. 46–53.
17. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров) // Lauea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков, 2015. С. 18–22.
18. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Южный участок Салтово-Маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II) // ПИФК. 2015. № 3. С. 266–300.
19. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие погребения на городище Артезиан // Таврические студии. 2016. № 10. С. 44–50.
20. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.) // ПИФК. 2016. № 1. С. 184–232.

21. Гаврилов А.В., Тошев Г.Н. Курганы у с. Молочное в центральном Крыму // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. 2014. Т. XVII. С. 34–70.
22. Герцен А.Г., Майко В.В. Хазары // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь, 2004. С. 141–167.
23. Завадская И.А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии) // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 211–239.
24. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. 2001. Вып. I. С. 147–158.
25. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка–2 у поселка Эльтиген // БИ. 2005. Вып. X. С. 236–268.
26. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 406–429.
27. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 183–196.
28. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь, 2009. 328 с.
29. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Разведки А.В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 435–471.
30. Зубарев С.В., Майко В.В., Ярцев И.Б. Новый склеп с раннесредневековыми материалами из раскопок некрополя городища Белинское // БИ. 2017. Вып. XXXV. С. 348–363.
31. Кутайсов С.В. Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдаёя в истории и культуре Руси–Украины. Киев, Судак, 2002. С. 155–159.
32. Кутайсов С.В. Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 274–286.
33. Кутайсов С.В. Раннесредневековый слой Калос-Лимена (по предварительным данным) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции. Ч. II. Киев, Судак, 2004. С. 113–121.
34. Кутайсов С.В. Средневековые памятники Северо-Западного Крыма (Археологическая карта) // Калос-Лимен – Ак-Мечеть – Черноморское: Материалы I международной научно-практической конференции. Черноморское, 2008. С. 48–55.
35. Майко В.В. К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. 2000. Т. VIII. С. 287–297.
36. Майко В.В. Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба // Херсонес Таврический у истоков мировых религий. Севастополь, 2001. С. 76–85.
37. Майко В.В. Керамічний комплекс однієї групи праболгарських пам'яток Таврики другої половини VII ст. н.е. // Українська керамологія. Опішне, 2001. Кн. 1. С. 14–31.
38. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев: Академперіодика, 2004. 316 с.
39. Майко В.В. Средневековый плитовый могильник в с. Дачное Судакского района Причерноморья, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской конференции. Ч. II. Киев, 2004. С. 122–128.
40. Майко В.В. К вопросу о рунических и тамгообразных знаках тюрко-болгар Таврики VIII–X вв. // Хазарский альманах. 2005. Т. 4. С. 234–244.

41. Майко В.В. Нумизматические данные о хронологических рамках салтово-маяцкой культуры Крыма // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2005. С. 42–43.
42. Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев: Академперіодика, 2007. 273 с.
43. Майко В.В. Территориальные группы праболгарских памятников Таврики VII – первой половины X вв. // Проблемы на прабългарската история и култура. Сборник в памет на ст.н.с. I ст. д.и.н. Димитър Ил. Димитров. София, 2007. Том 4-1. С. 151–166.
44. Майко В.В. Памятники VII–X вв. Судакского района АР Крым (дополнение к археологической карте) // Хазарский альманах. 2007. Т. 6. С. 159–180.
45. Майко В.В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи // Древности. Харьков, 2009. С. 263–272.
46. Майко В.В. Юго-Восточный Крым VIII–XI вв. Два примера провинциально-византийской культуры // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2010. Т. 51. Византия в контексте мировой культуры. С. 428–437.
47. Майко В.В. Комплекс конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму. Ч. II // Древности. Харьков, 2010. С. 265–272.
48. Майко В.В. Праболгарское поселение VIII – первой половины X вв. в с. Солнечная Долина в юго-восточном Крыму // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамко. Харьков, 2011. С. 207–219.
49. Майко В.В. Праболгарские памятники юго-восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса // Дриновский сборник. Харьков, София, 2012. Т. V. С. 79–93.
50. Майко В.В. Сугдея во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2012. Вип. 2. С. 54–62, 120–123.
51. Майко В.В. Граффити на амфорах юго-восточного Крыма VIII – начала XI вв. // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Киев, 2012. С. 69–82. (Бібліотека Vita Antiqua).
52. Майко В.В. Вооружение и конское снаряжение праболгар Крыма первой половины X в. // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. М., Тула, 2014. Вип. 3. С. 15–28.
53. Майко В.В. Салтово-маяцкая кухонная керамика восточного Крыма. Исследователи и исследования // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 256–261.
54. Майко В.В. Северо-Западный Крым в VII–XV вв. Попытка исторического очерка // Археология Северо-Западного Крыма. Материалы III Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2017. С. 118–128.
55. Майко В.В., Баранов В.И. Новый производственный комплекс раннесредневекового времени с городища Тепсень // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. СПб., 2012. С. 157–162.
56. Майко В.В., Гаврилов А.В., Гукин В.Д. Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму // Хазарский альманах. 2009. Т. 8. С. 237–263.

57. Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. 448 с.
58. Майко В.В., Джанов А.В. Некрополь Судак–IX на посаде средневековой Сугдеи (по материалам раскопок 2006–2008 гг.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2015. Т. 12. С. 159–176.
59. Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму // Древности Боспора. 2016. Т. 20. С. 320–329.
60. Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Хозяйственные ямы средневекового поселения в восточной части городища античного времени «Белинское» // Таврические студии. 2016. № 10. С. 98–104.
61. Майко В.В., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие некрополи восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2013. Вип. 3. С. 97–106.
62. Майко В.В., Семин С.В. Аланський середньовічний посуд Криму VIII – першої половини X ст. // Український керамологічний журнал. 2003. № 1. С. 49–54.
63. Могаричев Ю.М., Майко В.В. Тепсеньская базилика и проблема локализации Фул // Хазарский альманах. 2015. Т. 13. С. 130–155.
64. Науменко В.Е. Пифосы, высокогорлые кувшины, амфоры, столовая керамика // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь, 2009. С. 32–64.
65. Новиченкова Н.Г. Средневековое поселение на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М., 2007. С. 155–194.
66. Пономарев Л.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. 2004. Вип. V. С. 445–475.
67. Пономарев Л.Ю. К археологической карте памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова // БИ. 2011. Вип. XXV. С. 343–378.
68. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка–2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 287–295.
69. Пономарев Л.Ю. Жилища восточного Крыма эпохи хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // Сугдейский сборник. 2012. Т. V. С. 186–209.
70. Пономарев Л.Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки) // Дриновський збірник. 2012. Т. V. С. 65–78.
71. Пономарев Л.Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2012. Т. 2. С. 67–78, 130–132.
72. Пономарев Л.Ю. Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Бахчисарай, 2012. С. 52–54.

73. Пономарев Л.Ю. Степи Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв. // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 384–391.
74. Пономарёв Л.Ю. Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // *Ρομαίος. Т. 2. Сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantine Ucrainensis. Харьков, 2013. С. 440–461.
75. Пономарев Л.Ю. Жилые однокамерные постройки салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Таврические студии. 2014. Т. 6. С. 131–139.
76. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие горшки из поселений Керченского полуострова // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2014. Т. 12. С. 239–276.
77. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным) // Хазарский альманах. 2014. Т. 12. С. 135–159.
78. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А.В. Гадло 1963 г.) // История и археология Крыма. 2014. Т. I. С. 376–399.
79. Пономарев Л.Ю. Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок из салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова // История и археология Крыма. 2016. Т. III. С. 235–267.
80. Пономарев Л.Ю., Пономарева И.А. Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2010. Т. IV. С. 453–464.
81. Федосеев Н.Ф., Пономарёв Л.Ю. Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // Древности Боспора. 2012. Т. 16. С. 491–525.
82. Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. Погребальный и жилищно-хозяйственный комплекс склепа № 7 Кызаульского некрополя (Крым) // История и археология Крыма. 2017. Т. V. С. 82–132.
83. Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М., 2011. 264 с.
84. Шапцев М.С. Новое многослойное поселение в окрестностях Сак // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности. Симферополь, 2012. С. 182–188.
85. Шапцев М.С. История исследования памятников средневекового времени в северо-западном Крыму // Крымское историческое обозрение. Казань, Бахчисарай, 2015. № 3. С. 165–179.
86. Aibabin A.I. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. par C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 31–65.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryima*. Simferopol, 1999, 352 p.
2. Aibabin A.I. *Hazarskiy sloy v Kerchi. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2000, Vol. VII, pp. 168–185.

3. Aibabin A.I. Kryim v VIII–IX vv. Hazarskoe gospodstvo. Makarova T.I., Pletneva S.A. (Eds.), *Kryim, Severo-Vostochnoe Prichernomorie i Zakavkaze v epohu srednevekovya IV–XIII veka*, Moscow, 2003. С. 55–67.
4. Aibabin A.I. Rannie hazarskie arheologicheskie pamyatniki v Severnom Prichernomorie. *Hazarskiy almanah*, Kiev, Harkov, 2009, Vol. 8, pp. 67–88.
5. Aibabin A.I. Arheologicheskoe nasledie hazar vremeni sozdaniya kaganata. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2013, Vol. XVIII, pp. 277–315.
6. Aibabin A.I. Hazarskaya Sugdeya. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, Vol. XXII, pp. 306–310.
7. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Plitovyie mogilyi s vyisechennyimi krestami. *Bosporskie issledovaniya*, Kerch, Simferopol, 2015, Vol. XXXI, pp. 354–378.
8. Baranov I.A., Maiko V.V. Prabolgarskie gorizonty Sudakskogo gorodischa serediny VIII – pervoy polovinyi X vv. *Bl'garite v Severnoto Prichernomorie*, Veliko Tyirnovno, 2000, Vol. VII, pp. 83–100.
9. Baranov V.I. K voprosu o tamgoobraznyih znakah saltovo-mayatskoy kulturyi (po materialam mogilnika Sudak–VI). *Surozh, Sugdeya, Soldayya v istorii i kulture Rusi–Ukrainyi. Materialy nauchnoy konferentsii*, Kiev, Sudak, 2002, pp. 25–28.
10. Baranov V.I. Sudakskie sklepyi. *Istoricheskoe nasledie Kryima*, Simferopol, 2003, Vol. 2, pp. 4–17.
11. Baranov V.I. Amforyi Tau-Kipchaka. *Prichernomorie, Kryim, Rus v istorii i kulture. Part II*, Kiev, Sudak, 2004, pp. 23–25.
12. Baranov V.I. K voprosu ob etnokulturnoy differentsiatsii saltovo-mayatskiykh pamyatnikov Kryima (VII–X vv.). *Prichernomorie, Kryim, Rus v istorii i kulture. Materialy III Sudakskoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Kiev, Sudak, 2006, Vol. II, pp. 34–36.
13. Beylin D.V., Ponomarev L.Yu. K izucheniyu rannesrednevekovykh pamyatnikov severo-vostochnoy okonechnosti Kerchenskogo poluostrova (poselenie Zaval-Vostochnoe). *Mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferentsiya «XIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Problemyi urbanizatsii»*, Kerch, 2012, pp. 17–23.
14. Beylin D.V., Ponomarev L.Yu. Rannesrednevekovoe poselenie Zaval-Vostochnoe na Kerchenskom poluostrove (po materialam razvedok 2009–2010 gg.). *Istoriya i arheologiya Kryima*, Simferopol, 2015, Vol. II, pp. 334–348.
15. Bocharov S.G., Koval V.Yu. Keramika hazarskoy epohi v vostochnom Kryimu. *Mezhdunarodnyiy nauchnyiy seminar «Keramika hazarskogo kaganata (VII–X vv.) i problema identifikatsii bolgarskoy keramiki v stranah Prichernomorya i Povolzhe»*, Simferopol, 2011, pp. 13–19.
16. Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. Saltovo-mayatskie komplekseyi gorodischa Artezian (po materialam raskopok 1994–2010 gg.). *Tavrisheskie studii*, Simferopol, 2015, Vol. 7, pp. 46–53.
17. Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. Saltovo-mayatskoe poselenie na antichnom gorodische Artezian (Kerchenskiy poluostrov). *Laurea I. Antichnyiy mir i Srednie veka: Chteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva*, Harkov, 2015, pp. 18–22.
18. Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. Yuzhnyiy uchastok Saltovo-Mayatskogo poseleniya na gorodische Artezian (po materialam issledovaniy na raskope II). *Problemy istorii, filologii, kultury*, Moscow, Magnitogorsk, 2015, Vol. 3, pp. 266–300.

19. Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. Saltovo-mayatskie pogrebeniya na gorodische Artezian. *Tavrisheskie studii*, Simferopol, 2016, Vol. 10, pp. 44–50.
20. Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. Tsentralniy uchastok saltovo-mayatskogo poseleniya na gorodische Artezian (po itogam issledovaniy na raskope I v 1989–2001 gg.). *Problemy istorii, filologii, kultury*, Moscow, Magnitogorsk, 2016, Vol. 1, pp. 184–232.
21. Gavrilov A.V., Toshchev G.N. Kurgany u s. Molochnoe v centralnom Krymu. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu*, Zaporizhzhya, 2014, Vol. XVII, pp. 34–70.
22. Gertsen A.G., Maiko V.V. Hazaryi. *Kryim skvoz tyisyacheletiya*, Simferopol, 2004, pp. 141–167.
23. Zavadskaya I.A. Periodizatsiya tserkovnogo stroitelstva na gorodische Tepsen (o kafedralnom hrame Ful'skoy eparhii). *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, Vol. XIX, pp. 211–239.
24. Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. Issledovanie rannesrednevekovykh pamyatnikov v okrestnostyakh poselka Geroevskoe. *Bosporskie issledovaniya*, Simferopol, 2001, Vol. I, pp. 147–158.
25. Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. Rannesrednevekovyy gorizont poseleniya Geroevka–2 u poselka Eltigen. *Bosporskie issledovaniya*, Simferopol, 2005, Vol. X, pp. 236–268.
26. Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. Stepi Vostochnogo Kryima v epohu Hazarskogo kaganata. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2005, Vol. XI, pp. 406–429.
27. Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. Saltovo-mayatskie komplekсы poseleniya Osovinyi–I. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 183–196.
28. Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv.*, Simferopol, Kerch, 2009, 328 p.
29. Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. Razvedki A.V. Gadlo na Kerchenskom poluostrove v 1962 g. (v svete sovremennykh arheologicheskikh dannykh). *Bosporskie issledovaniya*, Simferopol, 2013, Vol. XXVIII, pp. 435–471.
30. Zubarev S.V., Maiko V.V., Yartsev I.B. Novyy sklep s rannesrednevekovymi materialami iz raskopok nekropolya gorodischa Belinskoe. *Bosporskie issledovaniya*, Simferopol, 2017, Vol. XXXV, pp. 348–363.
31. Kutaysov S.V. Saltovskie pamyatniki Severo-Zapadnogo Kryima. *Sugdeya, Surozh, Soldayya v istorii i kulture Rusi–Ukrainyi*, Kiev, Sudak, 2002, pp. 155–159.
32. Kutaysov S.V. Arheologicheskaya karta rannesrednevekovykh pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryima. *Hersonesskiy sbornik*, Sevastopol, 2003, Vol. XII, pp. 274–286.
33. Kutaysov S.V. Rannesrednevekovyy sloy Kalos-Limena (po predvaritelnyim dannyim). *Prichernomorie, Kryim, Rus v istorii i kulture. Materialy II Sudakskoy mezhdunarodnoy konferentsii*, Kiev, Sudak, 2004, Vol. II, pp. 113–121.
34. Kutaysov S.V. Srednevekovyye pamyatniki Severo-Zapadnogo Kryima (Arheologicheskaya karta). *Kalos-Limen – Ak-Mechet – Chernomorskoe: Materialy I mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Chernomorskoe, 2008, pp. 48–55.
35. Maiko V.V. K voprosu o neodnorodnosti saltovo-mayatskogo naseleniya Tavriki vtoroy poloviny VII v. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu*, Zaporizhzhya, 2000, Vol. VIII, pp. 287–297.
36. Maiko V.V. Plitovyye pogrebeniya saltovo-mayatskogo mogilnika Tavriki Kordon-Oba. *Hersones Tavricheskiy u istokov mirovykh religiy*, Sevastopol, 2001, pp. 76–85.
37. Maiko V.V. Keramichnyy kompleks odneyi grupi prabolgarskiy pam'yatok Tavriki drugoyi poloviny VII st.n.e. *Ukrayinska keramologiya*, Opishne, 2001, Vol. 1, pp. 14–31.

38. Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodische na plato Tepsen v yugo-vostochnom Kryimu*. Kiev, Akadempriodika Publ., 2004, 316 p.
39. Maiko V.V. Srednevekovyyiplitovyyi mogilnik vs. Dachnoe Sudakskogo rayona Prichernomorie, Kryim. *Rus v istorii i kulture. Materialy II Sudakskoy konferentsii*, Kiev, 2004, Vol. II, pp. 122–128.
40. Maiko V.V. K voprosu o runicheskikh i tamgoobraznykh znakakh tyurko-bolgar Tavriki VIII–X vv. *Hazarskiy almanah*, Kiev, Harkov, 2005, Vol. 4, pp. 234–244.
41. Maiko V.V. Numizmatische daniye o hronologicheskikh ramkakh saltovo-mayatskoy kulturyi Kryima. *XIII Vserossiyskaya numizmatische konferentsiya*, Moscow, 2005, pp. 42–43.
42. Maiko V.V. *Srednevekovyye nekropoli Sudakskoy dolinyi*. Kiev, Akadempriodika Publ., 2007, 273 p.
43. Maiko V.V. Territorialnyye gruppyi prabolgarskiy pamyatnikov Tavriki VII – pervoy poloviny X vv. *Problemi na prab'lgarskata istoriya i kultura. Sbornik v pamet na st.n.s. I st. d.i.n. Dimit'r II. Dimitrov*, Sofiya, 2007, Vol. 4–1, pp. 151–166.
44. Maiko V.V. Pamyatniki VII–X vv. Sudakskogo rayona AR Kryim (dopolnenie k arheologicheskoy karte). *Hazarskiy almanah*, Kiev, Harkov, 2007, Vol. 6, pp. 159–180.
45. Maiko V.V. Arheologicheskie materialy dlya rekonstruktsii posada rannesrednevekovoy Sugdei. *Drevnosti*, Harkov, 2009, pp. 263–272.
46. Maiko V.V. Yugo-Vostochnyy Kryim VIII–XI vv. Dva primera provintsialno-vizantiyskoy kulturyi. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St. Petersburg, 2010, Vol. 51, pp. 428–437.
47. Maiko V.V. Kompleks konskogo snaryazheniya i bytovykh predmetov s prabolgarskogo poseleniya IX – pervoy poloviny X vv. v yugo-vostochnom Kryimu. Part II. *Drevnosti*, Harkov, 2010, pp. 265–272.
48. Maiko V.V. Prabolgarskoe poselenie VIII – pervoy poloviny X vv. v s. Solnechnaya Dolina v yugo-vostochnom Kryimu. *Drevnosti Vostochnoy Evropyi. Sbornik nauchnykh trudov k 90-letiyu B.A. Shramko*, Harkov, 2011, pp. 207–219.
49. Maiko V.V. Prabolgarskie pamyatniki yugo-vostochnogo Kryima. Evolyutsiya keramicheskogo kompleksa. *Drinovskiy sbornik*, Harkov, Sofiya, 2012, Vol. V, pp. 79–93.
50. Maiko V.V. Sugdeya vo vtoroy polovine VII – pervoy polovine VIII vv. Obzor arheologicheskoy situatsii. *Saltovo-mayatska arheologichna kultura: problemi ta doslidzhennya*, Harkov, 2012, Vol. 2, pp. 54–62; 120–123.
51. Maiko V.V. Graffiti na amforah yugo-vostochnogo Kryima VIII – nachala XI vv. *1000 rokiv vizantiyskoi torgivi (V–XV stolittya)*, Kiev, 2012, pp. 69–82.
52. Maiko V.V. Vooruzhenie i konskoe snaryazhenie prabolgar Kryima pervoy poloviny X v. *Voennaya arheologiya. Sbornik materialov Problemnogo soveta «Voennaya arheologiya» pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee*, Moscow, Tula, 2014, Vol. 3, pp. 15–28.
53. Maiko V.V. Saltovo-mayatskaya kuhonnaya keramika vostochnogo Kryima. Issledovately i issledovaniya. *Mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferentsiya «XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Issledovately i issledovaniya»*, Kerch, 2016, pp. 256–261.
54. Maiko V.V. Severo-zapadnyy Kryim v VII–XV vv. Popyitka istoricheskogo ocherka. *Arheologiya Severo-Zapadnogo Kryima. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Simferopol, 2017, pp. 118–128.

55. Maiko V.V., Baranov V.I. Novyyiy proizvodstvennyiy kompleks rannesrednevekovogo vremeni s gorodischa Tepsen. *Slavyane Vostochnoy Evropyi nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva*, St. Petersburg, 2012, pp. 157–162.
56. Maiko V.V., Gavrilov A.V., Gukin V.D. Kompleks oruzhiya, konskogo snaryazheniya i byitovyykh predmetov s prabolgarskogo poseleniya IX – pervoy polovinyi X vv. v yugovostochnom Kryimu. *Hazarskiy almanah*, Kiev, Harkov, 2009, Vol. 8, pp. 237–263.
57. Maiko V.V., Dzhanov A.V. *Arheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Kryim*. Simferopol, 2015. 448 p.
58. Maiko V.V., Dzhanov A.V. Nekropol Sudak–IX na posade srednevekovoy Sugdei (po materialam raskopok 2006–2008 gg.). *Stepi Evropyi v epohu srednevekovya*, Donetsk, 2015, Vol. 12, pp. 159–176.
59. Maiko V.V., Zubarev V.G., Yartsev S.V. Rannesrednevekovyye materialyi gorodischa «Belinskoe» v Vostochnom Kryimu. *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2016, Vol. 20, pp. 320–329.
60. Maiko V.V., Zubarev V.G., Yartsev S.V. Hozyaystvennyie yamyi srednevekovogo poseleniya v vostochnoy chasti gorodischa antichnogo vremeni «Belinskoe». *Tavrisheskie studii*, Simferopol, 2016, Vol. 10, pp. 98–104.
61. Maiko V.V., Ponomarev L.Yu. Saltovo-mayatskie nekropoli vostochnogo Kryima (materialyi k arheologicheskoy karte). *Saltovo-mayatska arheologichna kultura: problemi ta doslidzhennya*, Harkov, 2013, Vol. 3, pp. 97–106.
62. Maiko V.V., Semin S.V. Alanskiy serednovichniy posud Krimu VIII – pershoyi polovinyi X st. *Ukrayinskiy keramologichniy zhurnal*, Opishne, 2003, Vol. 1, pp. 49–54.
63. Mogarichev Yu.M., Maiko V.V. Tepsenskaya bazilika i problema lokalizatsii Ful. *Hazarskiy almanah*, Moscow, 2015, Vol. 13, pp. 130–155.
64. Naumenko V.E. Pifosyi, vyisokogorlyie kuvshinyi, amforyi, stolovaya keramika. *Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. Tiritaka. Raskop XXVI. Arheologicheskie komplekxyi VIII–X vv.*, Simferopol, Kerch, 2009, pp. 32–64.
65. Novichenkova N.G. Srednevekovoe poselenie na gorodische «Chayka» v Severo-Zapadnom Kryimu. *Materialyi issledovaniy gorodischa «Chayka» v Severo-Zapadnom Kryimu*, Moscow, 2007, pp. 155–194.
66. Ponomaryov L.Yu. Biritualnyiy saltovo-mayatskiy mogilnik u poselka Eltigen. *Bosporskie issledovaniya*, Simferopol, 2004, Vol. V, pp. 445–475.
67. Ponomaryov L.Yu. K arheologicheskoy karte pamyatnikov VIII – pervoy polovinyi X vv. yuzhnoy chasti Kerchenskogo poluostrova. *Bosporskie issledovaniya*, Simferopol, 2011, Vol. XXV, pp. 343–378.
68. Ponomaryov L.Yu. Saltovo-mayatskiy plitovo-gruntovyyiy mogilnik poseleniya Geroevka–2 (kak odin iz primerov vzaimodeystviya kultur i religiy na okrainah vizantiyskogo mira). *Mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferentsiya «XII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Vzaimovliyaniye kultur»*, Kerch, 2011, pp. 287–295.
69. Ponomaryov L.Yu. Zhilishcha vostochnogo Kryima epohi hazarskogo kaganata (po materialam raskopok saltovo-mayatskiykh poseleniy Kerchenskogo poluostrova). *Sugdeyskiy sbornik*, Kiev, Sudak, 2012, Vol. V, pp. 186–209.
70. Ponomaryov L.Yu. K evolyutsii i hronologii zhilishch saltovo-mayatskiykh poseleniy Kerchenskogo poluostrova (yurtoobraznye postroyki i poluzemlyanki). *Drinovskiy zbirnik*, Harkov, 2012, Vol. V, pp. 65–78.

71. Ponomaryov L.Yu. Hozyaystvennaya deyatel'nost' naseleniya saltovskoy kulturyi Kerchenskogo poluostrova (kratkiy obzor arheologicheskikh istochnikov). *Saltovo-mayatska arheologichna kultura: problemi ta doslidzhennya*, Harkov, 2012, Vol. 2, pp. 67–78, 130–132.
72. Ponomaryov L.Yu. Zolniki saltovo-mayatskiykh poseleniy Kerchenskogo poluostrova. *I Bahchisarayskie nauchnyie chteniya pamyati E.V. Veymarna*, Bahchisaray, 2012, pp. 52–54.
73. Ponomaryov L.Yu. Stepi Kerchenskogo poluostrova vo vtoroy polovine X–XIII vv. *Mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferentsiya «XIV Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Arheologicheskiiy ob'ekt v kontekste istorii»*, Kerch, 2013, pp. 384–391.
74. Ponomaryov L.Yu. Dvuhkamernyye zhilishcha (doma-pyatistenki) saltovo-mayatskiykh poseleniy Kerchenskogo poluostrova. *Πορμαίος. Vol. 2. Sbornik statey k 60-letiyu prof. S.B. Sorochana. Narteks. Byzantine Ukrainensis*, Harkov, 2013, pp. 440–461.
75. Ponomaryov L.Yu. Zhilyie odnokamernyye postroyki saltovo-mayatskiykh poseleniy Kerchenskogo poluostrova. *Tavrisheskie studii*, Simferopol, 2014, Vol. 6, pp. 131–139.
76. Ponomaryov L.Yu. Saltovo-mayatskie gorshki iz poseleniy Kerchenskogo poluostrova. *Stepi Evropyi v epohu srednevekovya*, Donetsk, 2014, Vol. 12, pp. 239–276.
77. Ponomaryov L.Yu. Saltovo-mayatskie poseleniya Kerchenskogo poluostrova (kratkiy obzor po arheologicheskim dannym). *Hazarskiy almanah*, Kiev, Harkov, 2014, Vol. 12, pp. 135–159.
78. Ponomaryov L.Yu. Saltovo-mayatskoe poselenie Geroevka–3 na Kerchenskom poluostrove (po materialam raskopok A.V. Gadlo 1963 g.). *Istoriya i arheologiya Kryima*, Simferopol, 2014, Vol. I, pp. 376–399.
79. Ponomaryov L.Yu. Hozyaystvenno-byitovoy i kultovyyiy kompleks nahodok iz saltovo-mayatskiykh poseleniy i mogilnikov Kerchenskogo poluostrova. *Istoriya i arheologiya Kryima*, Simferopol, 2016, Vol. III, pp. 235–267.
80. Ponomaryov L.Yu., Ponomaryova I.A. Redkie formy saltovo-mayatskoy neloschenoy keramiki iz rannesrednevekovyykh poseleniy Kerchenskogo poluostrova (predvaritel'naya informatsiya). *Sugdeyskiy sbornik*, Kiev, Sudak, 2010, Vol. IV, pp. 453–464.
81. Fedoseev N.F., Ponomaryov L.Yu. Sklep № 6 na Kyzaulskom nekropole. *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2012, Vol. 16, pp. 491–525.
82. Fedoseev N.F., Ponomaryov L.Yu. Pogrebalnyiy i zhilishchno-hozyaystvennyiy kompleks sklepa № 7 Kyzaulskogo nekropolya (Kryim). *Istoriya i arheologiya Kryima*, Simferopol, 2017, Vol. V, pp. 82–132.
83. Flyorov V.S. «Goroda» i «zamki» Hazarskogo kaganata. *Arheologicheskaya realnost*. Moscow, 2011, 264 p.
84. Shaptsev M.S. Novoe mnogoslavnoye poselenie v okrestnostyakh Sak. *Istoriko-kulturnoe nasledie Tarhankuta: novyye tendentsii razvitiya, novyye vozmozhnosti*, Simferopol, 2012, pp. 182–188.
85. Shaptsev M.S. Istoriya issledovaniya pamyatnikov srednevekovogo vremeni v severo-zapadnom Kryimu. *Kryimskoe istoricheskoe obozrenie*, Kazan, Bahchisaray, 2015, Vol. 3, pp. 165–179.
86. Aibabin A.I. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea. Zuckerman C. (Ed.), *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, 2006, pp. 31–65.

V. V. MAYKO

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

A HISTORY OF RESEARCHES IN THE SALTVOV-MAIAK CULTURE IN THE CRIMEA IN THE TWENTY-FIRST CENTURY

Abstract: In the turn of twentieth and twenty-first centuries, there started a new stage in researches in the Saltov-Maiak culture in the Crimea. Therefore this paper addresses the studies of the said archaeological culture in the peninsula during the past 17 years. The conclusion is that the new data provide insight into all aspects of the material culture and supply new notion of residential, economic, defensive, and cult buildings, funeral rite, pottery assemblages, weaponry, and daily life artefacts. All these materials demonstrate that, despite strong religious syncretism, the Saltov-Maiak culture in the Crimea represents a variant of provincial-Byzantine culture. The degree of its Byzantinization was lower than in the material culture of the Greek and Alano-Gothic populations in the peninsula.

Keywords: mediaeval Taurica, Saltov-Maiak culture in the Crimea, research history.

А. Г. ГЕРЦЕН, В. Е. НАУМЕНКО

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ МАНГУПА VIII–XI ВВ. СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Аннотация: В статье представлен обзор историографии и современной источниковой базы по истории Мангупского городища хазарского и фемного времени. Начало хазарского периода в истории Дороса-Мангупа, вероятно, близко к сообщению Жития Иоанна Готского о захвате хазарами крепости в 80-х гг. VIII в., размещении здесь вооруженного гарнизона и последующем неудачном восстании населения Готии. Как показывают археологические исследования, хазарский период в истории Мангупа был недолговременным и не привел к значительным этническим изменениям среди его населения. Отмечаем редкость важного этнокультурного индикатора – салтово-маяцкой керамики. В период пребывания хазарского гарнизона в крепости был предпринят ремонт ее отдельных оборонительных узлов. С учреждением византийской фемы на полуострове в 841 г. начинается фемный период в истории Мангупа. В стратиграфии городища он отмечен сменой комплекса материальной культуры, в котором доминируют артефакты византийского круга. Еще одна особенность истории памятника IX–X вв. – активное развитие виноградарства, ориентированного на экспорт в донские и приазовские районы Хазарского каганата и находившегося, очевидно, под опекой византийской администрации крепости. Фемный период завершается около середины XI в. до конца не ясной катастрофой природного или военного характера. После этого Мангупское поселение вступает в полосу длительного упадка. До сих пор на его площади, как и в округе, не выявлены следы культурного слоя и комплексов XII–XIII вв. Крайне немногочисленны находки этого времени. Однако, представления о цезуре в истории Мангупа мы не склонны рассматривать как окончательные. Они во многом зависят от результатов будущих археологических исследований.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангуп, Дорос, Феодоро, Готия, Византия, хазары, византийская фема, византийская археология.

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 17-49-92019 «Историко-археологические исследования княжеского дворца Мангупского городища в 2018 г.: восточный участок дворцового комплекса». Его отдельные положения ранее были озвучены авторами в докладах на нескольких научных конференциях [36, с. 92–94; 37; 42, с. 56].